

Рязанов Э.А.

26/11/87

МОСГОРСПРАВКА

103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-03

Вырезка из газеты

ПРАВДА

26 НОЯ 1987 г. Москва

СВОЯ МЕЛОДИЯ

О новом и немного о «старых» фильмах Э. Рязанова

Вышла на экраны «Забывтая мелодия для флейты», и началось критическое половодье — полемика, дискуссии. Некоторые критики считают, что налицо смещение жанров (эклектика!) и стилистическая разноголосица, и неравноценный уровень актерских работ, и некий коктейль из лирики и публицистики. В одном лишь создателе фильма — режиссера Эльдара Рязанова и его давнего соавтора по сценарной работе Эмиля Брагинского упрекнуть нельзя: в отсутствии живого современного пера, в неумении говорить со зрителем так, чтобы ему, зрителю, было это интересно.

ли бы сам Филимонов был закорючлым чинущей, карикатурой из «Крокодила». Но есть же в нем живое, человеческое. Есть прорывающееся из-под спуда ощущение неправильно прожитой жизни. Ведь не создан же он от рождения бюрократом — был когда-то музыкантом, сейчас в минуты раскрепощения пытается извлечь из пыльного футляра старый свой инструмент, вспомнить давнюю любимую мелодию.

стоит встретиться в настоящем. И в будущем, кажется, увя, тоже. Хотя кое-что в их дальнейшей судьбе зависит и от нас.

Думаю, Рязанову повезло, что и в годы общего застоя он не был защищен от критики броней своих регалий. Не знаю, почему так случилось. Может быть, из-за «несерьезности» своего комедийного амплуа в режиссуре. Эпохальных широкоформатников он и вправду не снимал, а делал все какие-то несерьезные сказочки, смешил нас ерундовыми анекдотцами. Но почему-то в этих анекдотах, в датированном днем сегодняшним «Берегись автомобиля» (не говоря уже о «Гараже») или в антуражном костюмно-историческом «О бедном гусаре замолвите слово...» мы узнавали себя, свою реальную жизнь.

Это уже проверено не раз и ныне снова: на недавнем кинофестивале в Одессе, собравшем фильмы массовых жанров, комедия Рязанова получила Гран-при жюри непрофессионалов — «Золотого дюка».

зывает товарищу Филимонову (это главный герой фильма — сыгравший его Леонид Филатов отдал ему свою обаятельную внешность, присовокупив и безжалостную антипатию к его необаятельному (внутри) иные слова и иные интонации: «Наша обязанность поддерживать все талантливое, творчески неожиданное, оригинальное». Это не помешает, конечно, прикрыть спектакль, но иначе, тихо, чужими руками... Новые времена — новые правила игры.

Здесь полагалось бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство: Рязанову — 60. Не хочется сбиваться на интонации приветственного адреса, перечисляя список заслуг, званий, снятых фильмов, завоеванных ими наград, пьес, написанных в соавторстве с Эмилем Брагинским и поставленных бесчисленное число раз в бесчисленном количестве театров, а отчасти и экранизированных самим режиссером, вышедших в свет и мгновенно исчезнувших с прилавков книгопродавцев и в эфир «Кинопанорама»... Затем, что во всех этих разнообразных инстанциях Рязанов не дилетант, не исключая пока не названного, наиболее «подозрительного» из всех занятий — поэтического. Не будем спешить с присвоением ему звучных эпитетов «замечательный», «талантливый» и пр. — отметим просто, что точности его слова часто нельзя не порадоваться. Ведь это ему принадлежит: «Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем» — из все той же песни бюрократов.

Первое слагаемое этого уже становящегося свершившимся фактом успеха — безошибочный выбор темы, сегодня наиболее острой, можно даже сказать, ключевой. Бюрократ, во все времена клеймившийся сатирой и вопреки тому благополучно произрастающий и плодившийся, ныне осознается как фигура гораздо более опасная, чем когда-либо прежде. Это не некий «нетипичный» зарвавшийся чинуща, это косная социальная сила, главная угроза происходящей в стране перестройке.

Кто бы раньше заставил бюрократа, отсидев положенные по закону часы, потеть еще в воскресный день. А сейчас чуть ли не всей конторой едут на ярмарку художников в Битцу, ломают голову, что же делать с этим подозрительным сборищем частников. Эх, бульдозер бы сюда! Да не те времена. Но есть выход: надо вызвать критиков, искусствоведов, они сработают еще лучше. (Приходится скупать эту едкую пилюлю в адрес своего критического цеха: и сейчас не перевелись критики-бульдозеристы — к ним у Рязанова свой счет).

Герои «Забывтой мелодии для флейты» не бюрократы вообще, а представители новейшей формации этой огромной армии, готовые клясться всеми лозунгами сегодняшнего дня, но втайне ждущие возвращения всего на круги своя. «Нет прочнее бумажной постройки, не страшны ей ветра перестройки», — хоть и минорен напев исполняемой Т. и С. Никитинскими песни бюрократов, из которой эти строки, но вера в бессмертие своей касты по-прежнему тверда.

Точно, по-газетному схваченная злоба дня, приметы наивнейшие, пожалуй, так живо задевают нас, ибо сплавлены со старой, как мир, драматургической схемой — любовным треугольником. У Филимонова, благополучного, энергично продвигающегося благодаря руке всемогущего тестя по служебной лестнице, — роман (кто бы мог заподозрить в нем такое легкомыслие!) с медсестрой Лидой. Прекрасны обе женские роли в «Забывтой мелодии...» — и сыгранная Татьяной Долиной Лидой, искренняя, открытая, светящаяся чистотой, воплощение бескорыстия, и жена Филимонова Елена, наделенная Ириной Купченко присущими ей интеллигентностью, внутренним достоинством, чутьем на фальшь. Очень непросто ей в этой двусмысленной ситуации, мучительно выбирать между живым, непогасшим чувством и женской гордостью...

Попытаемся под натиском новых времен мифическое учреждение, именуемое «Главным управлением свободного времени» (мифическое в нем только название — все остальное, увя, более чем реально), но нет повода радоваться, что не устоит: кто же будет заботиться, чтобы наше с вами свободное время свободным было только на словах?

Куда как проще было бы, если бы одна из них была хорошей, а другая — дурной. Куда как проще было бы, ес-

А пока не затихает здесь бурная деятельность, и где-то возобновляется строительство уже было законсервированного учрежденческого здания, и по-прежнему облеченные властью представители Водомства цензурят и текст новой песни Тамбовского хора, и самодельного «Ревизора» в клубе медиков. По-старому они бы сказали: «Глумление над классикой». Дискредитация автора», но «сейчас другое время, сейчас все можно», и нюх на ветер перемен подска-

Вроде бы дело комедии одаривать зрителя счастливым концом. Это в трагедии герою положено погибнуть во имя того, чтобы жила его правда. У Филимонова своей правды нет, погибать ему во все нет резона.

Но и в комедии сегодня (и давно уже!) не те времена. Подлеул в диафрагму не в чести. Чем ближе к финалу «Забывтой мелодии», тем больше в авторской интонации печали, сарказма, трагизма. Тяжкие сны сняты Филимонову. Будто сидит он у Большого театра с плакатиком на груди «Подайте бывшему чиновнику» и подставленной для монеток баночки из-под черной икры. Будто ходят по вагонам его сослуживцы, зарабатывая на пропитание надрывной песней: «Помогите медью трудовой — перед вами жертвы ускоренья!»

Филимонову суждено будет умереть. И занять свое место в долгой очереди потустороннего обиталища (оператор Вадим Алисов нашел для этих кадров впечатляющую таинственно-завораживающую тональность и ритм, да и вся его работа в картине — свидетельство мастерского владения профессией), в преддверии высшего суда, где милости ждать ему не за что: любовь предал, себя предал.

Не боюсь рассказывать читателю развязку сюжета. Смотреть фильм, даже зная ее, интересно. И весело. И горько. Горько не потому, что Филимонов умер — он воскреснет. Лидой вдохнет в его тело жизнь уже тогда, когда светящаяся точка энцефалографа вычертит безжалостную прямую. Горько потому, что оставлен он в живых не как человек Филимонов, а как социальное явление. Очень прищербное. Очень живучее. Идущее, так сказать, в ногу с эпохой.

Смеясь, человечество расстается с прошлым. Финал фильма места для смеха не оставляет. «Бывшие» герои Рязанова вовсе еще не бывшие. С ними нам не раз пред-

Подобная многогранность и плодovitость не может не вызывать зависти, и, естественно, не только благородной, доброй. Чего это человек столько работает? Денег ему не хватает? А он, словно на зло, не хочет сбавлять оборотов: «Забывтая мелодия для флейты», кажется, только вот сошла с монтажного стола, а он уже закончил съемки новой картины.

Действительно, а к лицу ли мастеру такая поспешность? Может быть, именно из-за нее последние фильмы режиссера хоть успехом, конечно, и пользовались, но все же не имели признания столь безоговорочного, всенародного, какое в свое время выпало на долю «Карнавальная ночь» и «Берегись автомобиля»? Вот если бы... Оставим в стороне всевозможные «если бы»... Каждый художник творит в соответствии со своим характером и темпераментом. Хорошо, что Рязанов все годы своей жизни в кино не страдал манией величия, не снимал с расчетом на непреходящий шедевр, а просто снимал, следуя тому самому столь часто повторяемому и столь редко делом оплаченному принципу: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать».

Дожидаюсь часа доброты и до более «крупных» и соответственно защищенных мастеров, критика оттачивала зубы на Рязанове. За «Жестоким романом» ему досталось жестоко. Но чем гуще становился натиск отрицательных рецензий, тем упрямее шел на картину зритель...

Дружный унисон ругательных голосов так же противен слуху, как и дружный унисон хвалебных. Хорошо, однако, что голоса хоть и неравномерно, но все же были разными. Хорошо, что фильмы Рязанова возбудили саму столь редкую в то время возможность полемики. Хорошо, хоть понимаю, как нелегко было для самого Рязанова, что он, как в творческой молодости, был поставлен перед необходимостью самоопределяться — проверять и перепроверять себя.

В общем, обстоятельства жизни потребовали в очередной раз от Рязанова молодого здоровья — душевного и физического, оптимизма, упрямой веры в собственную правоту.

Он всегда шел в искусстве своим путем, вел свою мелодию в шумном, часто неслаженном оркестре нашего кинематографа. В мелодии этой никогда не было громыхающей меди и фанфарного ликования, она была скромна, неприязнительна, не пыталась никого перекричать, но вопреки тому всегда безошибочно узнавалась зрителем. Рязанов разговаривает со своим зрителем как с давним хорошим знакомым, понимающим тебя с полуслова, настроенным на ту же волну юмора, грусти, печали и непременно любви. Без любви Рязанова к своим героям не было бы его кинематографа, не было бы и ответной любви зрителей.

А. ЛИПКОВ.